

Представления о власти и государстве в русской политической мысли: трудности компаративного подхода*

Рец. на: *Sashalmi E. Russian Notions of Power and State in a European Perspective, 1462–1725: Assessing the Significance of Peter’s Reign.* Boston : Academic Studies Press, 2022. 507 p.

Вероника Высокова

Михаил Киселев

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

The Concepts of Power and State in Russian Political Thinking: On the Difficulties of the Comparative Approach**

Rev. of: *Sashalmi, E. (2022). Russian Notions of Power and State in a European Perspective, 1462–1725: Assessing the Significance of Peter’s Reign.* Boston, Academic Studies Press. 507 p.

Veronika Vysokova

Mikhail Kiselev

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article reviews a monograph by E. Sashalmi, a Hungarian Russianist, dedicated to the “transtemporal” reconstruction of the political thinking of Russian writers of the early modern period. The innovation of this book lies in the “contextual” and historical-comparative approaches. Comparing the political discourse of Muscovy with the Western Christian political thought of the sixteenth and seventeenth centuries, the author does not find the concepts of “sovereignty”, “state”, or “politics” in Russian political thinking. E. Sashalmi connects the adaptation of the idea of a “modern sovereign state” in Russian

* Рецензия подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

** *Citation:* Vysokova, V., Kiselev, M. (2023). The Concepts of Power and State in Russian Political Thinking: On the Difficulties of the Comparative Approach. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1479–1490. DOI 10.15826/qr.2023.4.859.

Цитирование: Vysokova V., Kiselev M. The Concepts of Power and State in Russian Political Thinking: On the Difficulties of the Comparative Approach // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1479–1490. DOI 10.15826/qr.2023.4.859 / *Высокова В., Киселев М.* Представления о власти и государстве в русской политической мысли: трудности компаративного подхода // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1479–1490. DOI 10.15826/qr.2023.4.859.

intellectual discourse with Western Russian intellectuals of the second half of the seventeenth century and Feofan Prokopovich in the early eighteenth century. While appreciating the innovative character of the research goal and approaches, the reviewers evaluate the Hungarian historian's conclusions as historiographic clichés about the immaturity of Russian culture and the political thought of pre-Petrine Rus'. In fact, E. Shashalmi's research concerns the Westernisation of Russian political thought. The reviewers conclude that the main difficulty of such innovative historical and comparative studies is the problem of translatability of "concepts" from one culture to another.

Keywords: theocentrism, dynasticism, history of concepts, Feofan Prokopovich, concept of a sovereign state, text in context

В рецензии рассматривается монографическое исследование венгерского русиста Э. Шашхалми, посвященное «транстемпоральной» реконструкции политического мышления русских писателей раннего Нового времени. Новизна монографии определяется контекстуальными и историко-компаративными подходами. Сравнивая политический дискурс Московского царства с западнохристианской политической мыслью XVI–XVII вв., автор не находит в русском политическом мышлении понятий «суверенитет», «государство», «политика». Э. Шашхалми связывает адаптацию идеи современного суверенного государства в русском интеллектуальном дискурсе с мыслями, высказанными западнорусскими интеллектуалами второй половины XVII в., и с идеями Феофана Прокоповича в начале XVIII в. Авторы обзора, обращая внимание на новизну исследовательских задач и подходов рецензируемой монографии, оценивают выводы венгерского историка как воспроизведение старых историографических штампов о неразвитости русской политической мысли допетровской Руси и приходят к выводу о главной трудности подобных инновационных историко-компаративных исследований – сложности перевода «понятий» из одной культуры в другую.

Ключевые слова: богоцентризм, династизм, история понятий, Феофан Прокопович, концепция суверенного государства, текст в контексте

История русской политической мысли давно привлекает внимание зарубежных ученых, среди которых работы венгерских исследователей (М. Агоштон, А. Золтана, Д. Свака) прочно заняли свое место. Монография венгерского русиста Э. Шашхалми «Представления русских о власти и государстве из европейской перспективы, 1462–1725: оценивая значение петровского царствования», написанная на английском языке, продолжает эту традицию [Sashalmi]¹. Новизна исследования заключается в стремлении автора встроить политическую мысль Московского государства в более широкий европейский контекст раннего Нового времени. Именно из этой «западно-европейской перспективы» он стремится обнаружить истоки русской

¹ Монография была удостоена Mark Raeff Book Prize 2023 г.

политической мысли начиная с правления Ивана III (XV в.) и заканчивая первой третью XVIII в.

Исследование Э. Шашхалми отражает амбициозный замысел автора. Он намерен воссоздать целостную картину развития представлений о власти в Великом княжестве Московском с середины XV в. и вплоть до его превращения в Российскую империю в первой четверти XVIII в., совершая при этом экскурсы и в более поздние времена вплоть до рубежа XX–XXI вв. Историк предлагает выявить специфику российской политической мысли о власти и государстве через сравнение с представлениями, которые бытовали в европейском политико-правовом поле в эпоху позднего Средневековья – раннего Нового времени.

Книга представляет собой интересный опыт исследования на перекрестке двух методологических подходов – компаративного и «длительностей большой протяженности» (*longue duree*) в «транстемпоральной» ретроспективе. Сам же автор «основным столпом анализа» провозглашает «контекстуальный подход, основанный на источниках» [Sashalmi, p. 46]². Монография Э. Шашхалми продолжает направление исследований Э. Канторовича, Кв. Скиннера и Дж. Покока в области истории политической философии. Столь масштабный проект заставляет автора уточнять оптику методологического аппарата и сверяться с текущей историографической ситуацией. Цель исследования Э. Шашхалми определяет следующим образом:

...Осветить то, что можно было бы назвать основными признаками и тенденциями русской «политической» мысли, в то время как такие понятия, как «суверенитет», «государство» и «политика», как их понимали писатели и государственные деятели западнохристианского мира, вообще не существовали в России или только начинали формулироваться и артикулироваться (p. 1).

Не претендуя на всеохватность, автор объясняет принцип отбора используемого источникового материала. Он стремится «сконцентрироваться на тех наиболее влиятельных *загадочных* [*enigmatic*] *текстах/писателях*, фиксирующих процесс формирования обобщенного восприятия официальной власти, или таких, которые маркировали в этом отношении некоторые важные изменения» (Ibid.).

Э. Шашхалми делает уточнение: он сосредоточен на выявлении признаков «обезличивания и секуляризации» официальной власти в России, или формировании идеи «секулярного государства» (p. 2). Собственно, из введения становится понятным, что исследователь связывает окончательное оформление данного феномена в России с теорией официальной народности (1833), а обсуждаемый в книге

² Здесь и далее перевод цитат авторов статьи. Далее указываем страницы по этому изданию в круглых скобках в тексте.

период российской истории связывает с отсутствием в русском интеллектуальном дискурсе таких абстракций, как «субъект, позитивное право, естественное право, формы правления и т. д.» (р. 4). В этом контексте венгерский исследователь специально оговаривает, что он не будет использовать слово *concepts* (понятия), а возьмет на вооружение слово *notions* (представления). Это приводит к фактическому игнорированию концепции «истории понятий» Р. Козеллека (*Begriffsgeschichte*), что, несомненно, обедняет методологический аппарат исследования.

Как видно из названия книги, Э. Шашхалми индицирует «важное, хотя и незавершенное изменение в восприятии власти... около 1700 г., когда современная концепция государства и суверенитета стала оказывать влияние на русскую мысль о власти» (р. 5). Автор отмечает, что, «делая акцент на пост-1700-х гг. в структуре книги», он намерен показать «значение произошедших изменений за столь короткое время в русской мысли о власти как в текстах, так и в иконографии, а также осветить проблему рецепции западных идей» (р. 24). Обращает на себя внимание, что знакомство с сочинениями европейских мыслителей о природе государства (Ж. Боден, Г. Гроций, Т. Гоббс и др.) Э. Шашхалми связывает с западнорусскими интеллектуалами, оказавшимися при дворе русского царя во второй половине XVII в., и особенно с Феофаном Прокоповичем, которому посвящена одна из трех глав книги. Именно их влияние, по мысли автора, определяло развитие политической мысли в петровское время. Однако еще более века назад А. С. Лаппо-Данилевский реконструировал гораздо более сложную сеть проникновения западных политико-правовых идей в Россию XVII в., уделив значительное внимание как раз влиянию протестантского интеллектуального дискурса на русскую политическую мысль [Лаппо-Данилевский]. Эта книга, к сожалению, осталась вне поля зрения венгерского историка.

В первой главе *Russia and Europe: Clarification of Terms and the Problem of the State* («Россия и Европа: разъяснение терминов и проблемы государственности») автор постулирует, что идея государства, то есть идея *современного государства*, сформировалась в Западной Европе в раннее Новое время (1450–1700). Он пишет:

...Современное понятие государства... предполагает юридически оформленную светскую верховную и утвердившуюся власть над данной территорией, отделившуюся от других властей подобного рода, – деперсонифицированную публичную власть, независимую и простирающуюся как над правителями, так и над управляемыми; обладающую юридической дееспособностью; к которой подданные/граждане должны проявлять лояльность. Отсюда следует, что под суверенитетом я понимаю юридически оформленную светскую верховную и утвердившуюся государственную власть, которая сначала была связана с личностью монарха, а затем и с определенной территорией (р. 90).

Э. Шашхалми связывает проявление данной тенденции в России с Феофаном Прокоповичем (р. 166). Соответственно, в допетровское время «восприятие русских о власти и истории, практически неразрывно связанных друг с другом, не было государственноцентристским или не было сосредоточено на форме правления, а фокусировалось на династизме и богоцентризме» (р. 190). В значительной степени это доказывается анализом «Степенной книги», памятника середины XVI в., где история действительно излагалась через переход власти от одного правителя к другому. При этом автор приходит к следующему выводу:

В «Степенной книге» стержневой идеей единства Русского царства была идея «правления одного» (правителя. – В. В., М. К.) на основе династического и богоцентристского восприятия власти и истории, как части Божественного замысла, ведущего к торжеству православия. <...> В «Степенной книге» объединение русских земель основывалось не на практическом соображении, иными словами, не на политической пользе или государственном интересе, как это было в аргументации Прокоповича (р. 196).

В сравнительном ключе Э. Шашхалми постулирует, что если в западном христианстве существовали политико-юридические понятия (legal-political concepts) «суверенитет» и «общее благо», использовавшиеся для описания власти, то в Московском государстве они отсутствовали. И «для московских книжников» неограниченная власть самодержцев была «само собой разумеющейся». Она просто была там без осознания необходимости дать объяснение ее существования, будь то юридическое или какое-либо другое» (р. 271–272). Как результат, отсутствие таких понятий не создавало должных условий для появления в Московском царстве полноценных представлений о государстве (то есть модерном государстве), хотя на уровне частных практик можно увидеть сходство со странами западного христианства. Соответственно, примерно до 1700 г. москвиты («Muscovite Russian authors») вообще не задавались вопросом: «Что такое лучшая форма правления? Это монархия, аристократия, демократия или так называемое смешанное правление (regimen commixtum), сочетающее элементы двух или трех?» (р. 220).

В этих утверждениях автор упрощенно трактует представления о власти, бытовавшие в Московском государстве середины XV – XVII в. Почему история, династически ориентированная и исходящая из Божественного происхождения царской власти, не могла быть одновременно и государственноцентристской? Так, в «Казанской истории», широко распространенном памятнике XVI–XVII вв., отмечалось по поводу покорения Иваном III Новгорода («новгородским бо людям не хотевшим его над собою имети и великим князем звати»):

...изначала же и исперва едино царство и едино государство, едина держава Руская: и поляне, и древяне, и новгородцы, и полочане, и волыняне, и подолье – то все едина Русь единому великому князю служажу (курсив наш. – В. В., М. К.) [Казанская история, с. 54].

Кроме того, почему идея «власти одного» не могла также означать и «политической пользы или интереса государства»? Можно обратиться к изложению истории Римской империи Иваном IV в Первом послании князю А. Курбскому, которое было публичным актом, адресованным «во все его великия Росии государство»:

Како убо Август кesarь всею вселенною обладаше... вся сия под единою державою бяху многа лета... даже и до первого во благочестии великого Константина Флавия. И после его чада разделиша власть [Переписка, с. 21–22].

Этот раздел «единой державы» привел к тому, что «нача делитися греческая власть и скудость приимати» до тех пор, пока «Магмет власть греческую погаси» в 1453 г. Для Ивана IV это был гибельный пример того, как не нужно «строить царства» [Там же, с. 22–24]. На наш взгляд, «строение царства», которое не имело исключительно религиозной подоплеки, вполне соответствует представлениям о «политической пользе» и «общем благе», даже если для этого привлекалась и религиозная риторика. Более того, Иван IV в «Первом послании» объяснял, что является лучшей формой правления (правление одного без ограничения его власти «рядниками» и при наличии разделения светской и духовной власти). Да, он делал это, не обращаясь к наследию Аристотеля (выделяя три формы правления – монархия, аристократия и демократия). Но почему он и другие московские авторы, рассуждая об универсальных принципах эффективного управления государством, должны были апеллировать именно к политической мысли Античности?

Во второй главе *Notions of power and state in the context of “proprietary dynasticism”: Russia and the Western perspective* («Представления о власти и государстве в контексте “династического восприятия власти”: Россия и западная перспектива») Э. Шашхалми продолжает развивать идею неразвитости политического мышления в России раннего Нового времени. Ключевым для него становится концепт династизма (dynasticism), предложенный Г. Роуэном в отношении Французского королевства раннего Нового времени. Хотя Э. Шашхалми считает, что идея о вотчинной власти московского правителя не была какой-то особенной чертой русского политического мышления и это было общим местом в истории западных монархий раннего Нового времени (р. 292), однако коренное отличие европейской политической мысли историк видит в том, что в западнохристианском мире династизм уравновешивался «идеей правления как государственной службы» (р. 303). А сам этот принцип был зафиксирован в коронационных при-

сягах. «Идея королевского правления (“royal office”), – пишет Э. Шашхалми, – сыграла большую роль в разграничении функций между персоной правителя и (у)правлением, которое он осуществлял, что вело к становлению идеи деперсонифицированной государственной власти». В Московском же государстве, по словам автора,

...не существовало теории управления... Божественное право москвитов... не содержало артикулированной идеи правления. Вместо этого мы можем говорить просто об обязанностях царя – обязанностях, которые он должен исполнять как воплощенный Бог на земле и постоянно вдохновляться Им, а не быть Его представителем. И эти обязанности были преимущественно религиозными, а не светскими. Представление о том, что царь был избранником Божиим и был поставлен на престол непосредственно Им, влекло за собой представление о том, что через персону царя Сам Бог управляет государством, а не Его представитель/посланник. Следовательно, воля царя воспринималась как Божья воля (р. 361).

Таким образом, тезис о иррациональном обожествлении власти правителя у москвитов в данном исследовании доведен до крайнего предела. Венгерский историк утверждает, что такой правитель не был наместником Божиим, он был «Богом на земле для его народа» (р. 361).

В то же время Э. Шашхалми в результате анализа значений слова «государство» в XVII в., особенно на материалах присяг на верность и политических преступлений, приходит к выводу, что, хотя по сравнению с Западом «Россия была другим миром в области политической теории», однако «Россия середины XVII в. в определении политического преступления и представлении о верности практически не уступала западноевропейским странам» (р. 326). При этом он указывает и на разделение терминов «государь» и «государство» уже до середины XVII в., и на важность Соборного уложения 1649 г. в формировании государственнического языка власти. Но, по мысли автора, это не означало появления политического языка в России XVII в. Однако при этом он делает оговорку:

Несомненно, что в некоторых официальных документах, в том числе и в Соборном уложении, значение слова «государство» превосходило понятие «владельческие земли», то есть это были община и территория, управляемая независимым монархом или правительством. Поэтому я считаю, что появление в России после 1660-х гг. более секулярного словаря власти не было процессом *ex nihilo* (лат. из ничего), то есть процессом, происходившим просто в силу и вследствие знакомства с западными идеями. Скорее эти идеи способствовали концептуализации уже имевших место изменений в понимании слова «государство», начавшихся в период Смуты и получивших юридическое оформление в виде различных упоминаний этого слова в Соборном уложении Московского государства и даже просто отсылки к понятию «государство» в высоких политизированных контекстах (р. 326).

Эти весьма важные наблюдения, из которых в том числе можно сделать вывод о том, что разрыв с западным государственно-политическим дискурсом, пусть такой дискурс в Московском государстве был насквозь пропитан богословием, все же не был таким тотальным. Тогда возможно, что последующая успешная адаптация понятий западноевропейского политического языка, связанных с идеей должности правителя и его обязанностью стремиться к «общему благу», была опять же подготовлена предшествующим развитием русской политической мысли?

Укажем на классическую работу Б. А. Успенского и В. М. Живова «Царь и Бог», не использованную автором. В ней показано, что даже при сакрализации царя его буквальное приравнение к Богу в Московском государстве воспринималось как кощунство и критиковалось. Своего пика обожествление правителя достигает именно при Петре I, а в русскую книжную культуру выражение «земной бог» входит только к середине XVIII в. и «становится устойчивым выражением императорского культа», в то время как об этом до XVIII в. писали исключительно иностранцы [Успенский, с. 247–249]. Сегодня в свете постколониальных исследований эта точка зрения, зафиксированная в записках иностранцев о России XVI–XVII вв., интерпретируется как имперский дискурс, и Э. Шашхалми вольно или невольно его репродуцирует в своем исследовании. Политическое мышление русских может быть понято только через семантику и словоформы русского языка. Соответственно, следует ли из того, что если у русских не было коронационной присяги, а было лишь поучение митрополита/патриарха при венчании на царство (которые автор должным образом не анализирует), то не было и представлений, что царь – это наместник Бога? Тот же Иосиф Волоцкий, обращаясь к правителям, прямо писал в 1510–1511 гг., что их «Бог в себе место избра на земли» [Послания, с. 230] («в себе место», то есть на свое место, что и означало сделать наместником). Это была устойчивая формула для Московского государства, и слова, что царя «Бог в себе место избра на земли», будут произноситься патриархом и при венчании на царство Федора Алексеевича в 1676 г. [ПСЗ-1, т. 2, № 648, с. 60]. Что до «общего блага», то, на наш взгляд, автор слишком категорично и безапелляционно отвергает наблюдение М. М. Крома о передаче этого понятия в русском языке XVI в. выражением «дело государево и земское» (р. 10–11).

В третьей главе *The Origins of Theory of Law and State in the Works of Feofan Prokopovich: An Intellectual from the Kievan Nest in the Service of Peter the Great* («Истоки теории права и государства в трудах Феофана Прокоповича: интеллектуал из киевского гнезда на службе у Петра Великого»), посвященной петровскому времени, Э. Шашхалми прослеживает оформление в России светского политического языка в первой четверти XVIII в., сосредоточивая свое внимание на текстах Феофана Прокоповича, особенно на его сочинении «Правда воли монаршей» (1722). В процессе анализа автор делает небезынтересные наблюдения, связанные с тем, как западноевропейский политический

язык адаптировался в России, что, в свою очередь, вело к появлению современных представлений о государстве.

Возникает вопрос: насколько имеет смысл столь подробно разбирать именно это произведение? В XIX–XX вв. было создано немало его интерпретаций [см. об этом: Бугров, Киселев, с. 78–81]. Однако мы недостаточно знаем, кто цитировал это сочинение, кто обсуждал его в XVIII в., оказало ли это сочинение какое-либо реальное влияние на представления о государстве в России, или оно довольно быстро ушло в область забвения. Сегодня не хватает более широкого контекста, который позволял бы сделать вывод, что именно «Правда воли монаршей» вместе с Феофаном Прокоповичем сыграли решающую и принципиальную роль в становлении нового политического языка в России XVIII–XIX вв.

Показательно, что автор, основываясь на разборе сочинений Феофана Прокоповича, утверждает, что словосочетание «целость государства» появилось именно в царствование Петра I, после которого «идея “целостности государства” сопровождает российские представления о власти и государстве вплоть до наших дней», включая формулировки Конституции 1993 г. (р. 49–50). Подчеркнем: автор делает важное принципиальное наблюдение, что фраза «целость государства» действительно с XVIII в. получает широкое распространение, и это можно рассматривать как свидетельство появления государственнического дискурса. Только вот эта фраза отнюдь не была изобретена в петровское время. В распространенном в России рукописном сочинении «Описание вин или причин, которыми к погибели и к разоренью всякие царства приходят и которыми делами в целости и в покою содержатца и строятца», созданном не позднее 1670-х гг., в основе которого, скорее всего, лежало какое-то иноязычное сочинение (сочинения), содержалась такая рекомендация: «До задержания в целости государства надобет того, чтобы не были переменные права или судебники и постановленья государьские» [Библиотека литературы Древней Руси, с. 648]. Копия этого сочинения находилась в библиотеке Петра I [Там же, с. 754]. Рассуждал о «целости государства» в период регентства царевны Софьи и Сильвестр Медведев, имя которого даже не упомянуто в книге. Про «целость государства» писал в 1690 г. в своей духовной, предназначенной Петру, идейный противник Медведева патриарх Иоаким [см.: Устрялов, с. 473]. Таким образом, активное формирование светского политического языка при Петре I опиралось уже на серьезный фундамент, созданный при его предшественниках. Подчеркнем, что сам Э. Шашкалми прямо пишет:

Тот факт, что царствование Петра, и особенно Феофан Прокопович, занимают центральное место в настоящем нарративе, не отрицает ни значения других авторов петровского периода, ни некоторых важных тенденций XVII в., касающихся изменений в значении *государства* и существования переходного периода (1660–1690-е годы), или десятилетий брожения (р. 24).

С учетом этих наблюдений следовало бы делать более осторожные выводы и, возможно, уделить большее внимание последней четверти XVII в.

К сожалению, у книги нет заключения. Вместо этого Э. Шашхалми в «Эпilogue» переносит читателя в политическую действительность России рубежа XX–XXI вв. и анализирует несколько современных политических текстов, в том числе Конституцию 1993 г., делая следующее заявление:

Начиная с Петра стало аксиомой: сильная, не ограниченная законами монархическая власть и территориальное единство обширного государства – это гарантии благополучия русского народа и пребывания России в статусе великой державы (р. 463–464).

На основе этого тезиса автор делает следующее обобщение:

...Мы можем говорить не просто о политических идеях, но о политической культуре или, в силу ее вековой преемственности, даже о политической традиции [России]. И, по существу, мы можем называть это [русским] менталитетом (Ibid.).

Однако если со времени правления Петра I «сильная, не ограниченная законами монархическая власть» была аксиомой политического мышления русских и не нуждалась в специальных доказательствах, тогда как стала возможной «затейка верховников» по ограничению самодержавия в 1730 г., после чего тот же В. Н. Татищев и Феофан Прокопович стали создавать тексты, в которых как раз доказывали необходимость существования в России сильной монархии? В этом отношении примечательно, что Э. Шашхалми весьма бегло описывает события 1730 г., никак не комментируя идейную подоплеку этой попытки ограничить самодержавие (р. 174). Приходится констатировать, что «сильная, не ограниченная законами монархическая власть» даже в 1730 г. не была аксиомой. Кроме того, в России второй половины XVIII в. развивается критика *самовластия*-деспотизма и активно поднимается проблема фундаментальных законов [Киселев; Лаборатория понятий, с. 346–374], что было бы просто невозможно, если бы все в России в качестве идеала воспринимали «не ограниченную законами монархическую власть». И это уже не говоря обо всей бурной истории России XIX–XX вв.

В заключение следует сказать, что исследование Э. Шашхалми ре-актуализирует одну из самых острых проблем российской истории – вопрос континуитета на рубеже XVII–XVIII вв. Вклад венгерского исследователя заключается в предложенной им оптике анализа – контекстуализме русской политической культуры в трансвременной ретроспективе раннего Нового времени. Однако при реализации такого инновационного подхода проявились связанные с ним трудности. Прежде всего это необходимость проработки огромного пласта источников, что чревато «пропусками» важных политических текстов XVI–XVII в. («Казанская история», переписка Курбского с Грозным, со-

чинения Сильвестра Медведева и т. д.). В свою очередь, это вело к тому, что в ряде случаев политический язык, как и политическая культура, интерпретировался достаточно узко. Может даже показаться, что выводы рецензируемого сочинения сводятся к давно набившему оскомину концепту западной историографии о неразвитости русского политического мышления, а, соответственно, и русской политической культуры. Важно и то, что исследование демонстрирует одну из ключевых проблем компаративного подхода – проблему переводимости/переносимости «понятий» из одной культуры в другую. Только слово «правда (воли монаршей)» в названии сочинения Ф. Прокоповича требует специального историко-семантического анализа при его передаче на английский язык (Justice, Will, Right, Truth). Венгерский же историк «поправляет» классический перевод этого сочинения Э. Лентина вместо обсуждения вносимых им поправок (р. 37, 190 и др.) [Lentin]. Со всей очевидностью здесь обозначилась проблема семантического несоответствия «понятий» в разных культурах. Метод простого калькирования в данном случае не работает.

Таким образом, в исследовании венгерского историка мы имеем дело с «практикой одомашнивания» (“domesticating practices”) наследия русской политической мысли конца XV – первой трети XVIII в. в современном англоязычном историографическом дискурсе [см.: Venuti]. Собственно, под этим углом зрения проясняется и реальное предметное поле рецензируемой работы – это процесс вестернизации русской политической мысли. Династизм, как его интерпретирует уважаемый автор, оставался определяющим фактором политического мышления западных интеллектуалов XVII в. (да и всего раннего Нового времени) и прекрасно сочетался с представлениями о хорошо управляемом государстве и «общем благе» в интеллектуальном наследии таких мыслителей и создателей «современного государства», как Т. Гоббс и Дж. Локк. Привлекательными моментами являются обращение автора к изобразительным источникам, использование иконографии и символики королевской/государственной власти в раннее Новое время, когда устное слово повсеместно в Европе превалировало над письменной традицией (визуальные образы власти, ритуалы, топография зданий и пространств, проецирующих легитимность власти).

Библиографические ссылки

- Библиотека литературы Древней Руси : в 20 т. СПб. : Наука, 2006. Т. 14. 758 с.
- Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель : Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 480 с.
- Казанская история. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 194 с.
- Киселев М. Трактат *De L'Esprit des Lois* Ш.-Л. Монтескье и фундаментальные законы в России начала 1760-х гг. // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5, № 4. С. 1131–1148. DOI 10.15826/qr.2017.4.271.
- Лаборатория понятий: перевод и языки политики в России XVIII века. М. : Новое лит. обозрение, 2022. 576 с.

Лаппо-Данилевский А. С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 2005. 462 с.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л. : Наука, 1979. 447 с.

Послания Иосифа Волоцкого. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 390 с.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 2.

Успенский Б. А. Избранные труды : [в 3 т.] М. : Шк. «Языки рус. культуры», 1996. Т. 1. 608 с.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб. : Тип. II Отд-ния С. Е. И. В. К., 1858. Т. 2. 589 с.

Lentin A. Peter the Great: His Law on the Imperial Succession : The Official Commentary. Oxford : Headstart History, 1996. 331 p.

Sashalmi E. Russian Notions of Power and State in a European Perspective, 1462–1725: Assessing the Significance of Peter's Reign. Boston : Academic Studies Press, 2022. 507 p.

Venuti L. The Translator's Invisibility : A History of Translation. L. : Routledge, 1995. 324 p.

References

Biblioteka literatury Drevnei Rusi v 20 t. [The Library of Literature of Old Rus'. 20 Vols.]. (2006). St Petersburg, Nauka. Vol. 14. 758 p.

Bugrov, K. D., Kiselev, M. A. (2016). *Estestvennoe pravo i dobrodetel': Integratsiya evropeiskogo vliyaniya v rossiiskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII veka* [Natural Law and Virtue: The Integration of European Influence into 18th-Century Russian Political Culture]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 480 p.

Kazanskaya istoriya [Kazan History]. (1954). Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 194 p.

Kiselev, M. (2017). Traktat *De L'Esprit des Lois* Sh.-L. Monteske' i fundamental'nye zakony v Rossii nachala 1760-kh gg. [Montesquieu's Treatise *De L'Esprit des Lois* and Fundamental Laws in Russia in the Early 1760s]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No. 4, pp. 1131–1148. DOI 10.15826/qr.2017.4.271.

Laboratoriya ponyatii: perevod i yazyki politiki v Rossii XVIII veka [Laboratory of Concepts: Translation and Languages of Politics in 18th-Century Russia]. (2022). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 576 p.

Lappo-Danilevsky, A. S. (2005). *Istoriya politicheskikh idei v Rossii v XVIII veke v svyazi s obshchim khodom razvitiya ee kul'tury i politiki* [The History of Political Ideas in Russia in the 18th Century in Connection with the General Course of Development of Its Culture and Politics]. Köln, Weimar, Wien, Böhlau. 462 p.

Lentin, A. (1996). *Peter the Great: His Law on the Imperial Succession. The Official Commentary*. Oxford, Headstart History. 331 p.

Perepiska Ivana Groznogo s Andreev Kurbskim [Correspondence between Ivan the Terrible and Andrei Kurbsky]. (1979). Leningrad, Nauka. 447 p.

Poslaniya Iosifa Volotskogo [Letters of Joseph Volotsky]. (1959). Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 390 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 2.

Sashalmi, E. (2022). *Russian Notions of Power and State in a European Perspective, 1462–1725: Assessing the Significance of Peter's Reign*. Boston, Academic Studies Press. 507 p.

Uspensky, B. A. (1996). *Izbrannye trudy v 3 t.* [Selected Writings. 3 Vols.]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury". Vol. 1. 608 p.

Ustryalov, N. G. (1858). *Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo* [History of the Reign of Peter the Great]. St Petersburg: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. Vol. 2. 589 p.

Venuti, L. (1995). *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. L., Routledge. 324 p.

The article was submitted on 15.08.2023